

СТРУНИК

АНДРЕЙ БУТОРИН

Трудно представить лучшую пиар-акцию для любого политика, чем отправить своего соратника... на Марс. Пусть даже сам политик — бывший вор и бандит, а «соратник» — всего лишь случайно подвернувшаяся «пешка», у которой нет обратного билета.

Андрей Буторин

Струнник

(Фантастическая повесть)

От автора

Эта повесть была написана в конце девяностых годов прошлого века и на долгое время оказалась заброшенной. Когда я собрался реанимировать «Струнника», то поначалу хотел его «осовременить», перенести действие сюжета в наши дни, ведь кое-кого из читателей может удивить, что герои повести не пользуются мобильной связью, интернетом, пишут письма на бумаге, да порой и ведут себя несколько странно. Но, взявшись за редактирование, я быстро понял, что в современных реалиях замысел повести не сработает так, как мне это виделось, ведь за прошедшие почти двадцать лет с момента ее написания мир — в частности, на постсоветском пространстве — разительно изменился. Кто в сознательном возрасте пережил девяностые, тот понимает, о чем я говорю, и помнит, как приходили в упадок и закрывались предприятия, как оказался никому не нужным космос, как дети мечтали стать не космонавтами, а бандитами, а настоящие бандиты не только почти безнаказанно убивали и

грабили, но стали рваться во власть, что у них зачастую вполне получалось.

«Осовременить» повесть значило бы переписать ее практически заново, чего мне не хотелось делать еще и потому, что после нескольких «пробных» рассказов — это мое первое относительно крупное произведение, и мне стало его по-отечески жалко. Поэтому я произвел лишь «косметический ремонт» и рискнул представить «Струнника» на суд современного читателя таким, как он и был задуман.

*Если где-то в глухой беспокойной ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю —
Не таись, не молчи, до меня докричи —
Я твой голос услышу, узнаю.*

В. С. Высоцкий.

Пролог

Ветер был не по-ноябрьски зимним. Над пустырем с катакомбами «замороженного» фундамента носилась колючая, злая поземка. Уже начинались сумерки, и в нескольких окнах стоявших неподалеку девятиэтажек зажегся свет.

Тузик тоскливо смотрел на эти окна, словно завидуя сидящим в тепле собакам и людям, а

может, вспоминал то далекое собачье счастье, когда и сам жил где-то там, в одной из этих теплых, вкусно пахнущих квартир.

Все это было в прошлом. Дальнейшая жизнь Тузика не задалась: надоевший «дворянин»-переросток был выброшен на улицу и, как многие прочие, пытался отыскать хоть какое-то место на задворках жестокого мира. Найденный в лабиринтах заброшенного фундамента старый посылочный ящик пусть и был несколько тесен, вполне подходил на роль подобного места хотя бы на время. По крайней мере не дуло. Вот только раздражала торчавшая рядышком и непонятно пахнущая штуковина, размером чуть меньше, чем Тузиков ящик и, скорее всего, из него же и вынутая. Штуковина имела несколько маленьких моргающих огоньков и порой неприятно попискивала. Однако ничем более она не нарушала собачьего уединения и потому была великодушно проигнорирована.

Тузик уже начал подремывать, когда звучание мигающей штуки изменилось. Теперь это был скорее не писк, а стон гитарной струны. Огоньки перестали мигать и налились зловещим кровавым светом. Струнный звук становился все более насыщенным, густым, и вот, словно сотворенная им, возникла и сама струна. Сначала она была бледной и еле видимой на фоне сгущающихся сумерек, но постепенно, словно наполняясь сутью,

стала материальной и почти осязаемой. Этот наполненный стальным светом луч рождался у возвышавшихся вдаль строений и упирался в небольшой раструб, выходящий изнутри шуковины.

Тузик взвыл и, поджав хвост, выскочил из насиженного ящика. А струна словно втянулась в раструб, стонущий звук исчез, и сразу же раздался душераздирающий кошачий визг, перешедший в вопль диких мучений и смерти. Тут же, словно из материи намотавшейся в клубок струны, возникла и сама кошка, а точнее, само исчадие кошачьего ада. Будь Тузик человеком, он валялся бы уже в глубоком обмороке. Но он был всего лишь собакой, а потому, хоть и окаменевший от ужаса, продолжал смотреть на возникшее нечто.

Ужасная кошка — а в том, что это именно кошка, собачий нюх не мог ошибиться — была частично вывернута наизнанку. Дымящиеся на холодном воздухе внутренности дикой бахромой опоясывали заднюю часть ее тела. Из распахнутой настезь грудины высовывалась окровавленная голова с раскрытой в сумасшедшем вопле пастью. Распухший черный язык, вибрируя, бился о зубы, разбрызгивая желто-зеленую слизь. Сросшиеся передние лапы торчали из шеи чудовища, а задние, опутанные кольцами кишок, скребли в агонии холодный бетон. Вопль оборвался очень скоро, и

вонючий кусок преисподней замер, дымясь и пропитывая снег кровью.

Наконец Тузик пришел в себя и, издав звук, почти не отличающийся от только что слышанного вопля, помчался вперед, не разбирая дороги, срываясь с обледеневших плит, карабкаясь на них, ломая когти, не видя перед собой ничего, кроме предсмертного оскала посетившей его кошки.

Глава 1

— Будь так добр, убери задницу с моего стола! — Начальник участка автоматизации Шмаров появился незаметно, в самый разгар беседы.

Андрей легко спрыгнул со столешницы.

— Пардон, Константин Петрович.

Шмаров вперил в него недобрый взгляд.

— Камнерухов, в твоём хозяйстве, похоже, проблемы. Ты тут развлекаешь этих бездельников сказочками, а мне начальник цеха мылит шею за то, что уровень пятой емкости на мониторе оператора — ноль, а на самом деле скоро будет перелив. Сейчас только остановки цеха не хватало по нашей вине!.. — Начальник поиграл желваками и уже спокойней обратился к Камнерухову: — Так, Андрей, посмотри еще раз программу. Сколько тебе нужно времени?

— Максимум сорок минут, — уверенно ответил Андрей. — Ну а если с программой порядок?

— Слушай, дорогой, не морочь мне голову!

Шмаров явно начал злиться по новой. Желваки вновь заперекатывались под скулами. Не говоря больше ни слова, он повернулся и вышел из комнаты.

Металлургический комбинат, на котором работал Андрей, был крупнейшим предприятием области по производству цветных металлов «стратегического назначения», к тому же — практически на все сто процентов — его продукция была завязана на НПО «Звезда», которое, в свою очередь, выпускало соответствующую продукцию для ракетно-космической отрасли. Северный космодром находился тут же, в области, поэтому все эти предприятия работали друг с другом без посредников и без лишних транспортных затрат.

Со сменой экономического курса страны трудности немилосердно коснулись и этой отрасли, но совсем от освоения космоса отказаться было уже невозможно, как и от стратегических ракет тем более. Поэтому худо-бедно правительственные заказы были практически постоянными, финансирование по сравнению с другими отраслями сносным, следовательно и жаловаться

пока было грех.

Впрочем, жаловаться Андрей никогда не любил. Зато работу свою любил очень. Вот и сейчас, несмотря на аварийную ситуацию и жесткий лимит времени, Андрей чувствовал сладковато-бодрящий аромат азарта. Пальцы порхали над клавишами, легкие морщинки легли в уголках чуть прищуренных глаз, а на губах играла едва уловимая улыбка. Задача, показавшаяся вначале легкой, оказалась вполне интересной. Аналоговый сигнал уровня пятой емкости бодро поступал на вход контроллера, преобразовывался в цифровой и загадочно терялся в компьютерных дебрях. Нет, программа была написана верно, во всяком случае, та ее часть, что отвечала за обработку злополучного сигнала, в этом Андрей был уверен. И не далее как вчера уровень был на месте. Что же могло измениться за ночь?

«Так-так-так, — встрепенулся Андрей, — а ночью Оленька набивала новую базу!»

Вчера Андрей добавил в программу алгоритм обработки пяти новых параметров, и хотя физически на контроллер они еще не поступали, Андрей попросил оператора Оленьку в спокойную ночную смену забить их в базу. Причем — так оказалось удобнее — они попадали как раз перед параметрами емкостей, в частности — уровнем, тем самым сдвигая последние в базе на пять строк

ниже. «Но этот сдвиг в программе учтен, — размышлял Андрей. — Не учтена пока только Оленька».

Он запустил редактор базы и нашел нужный параметр. Описание состояло из кода, адреса в контроллере, нижней-верхней границы, прочей галиматьи... Все однотипно, кроме адреса и кода. Андрей сверил адрес — верно. Сверил код — тоже верно... Нет, что-то в коде показалось Андрею подозрительным. Вроде все правильно и тем не менее — ощущение, что чего-то не хватает. Еще раз, водя пальцем по монитору, он пересчитал количество символов кода. Восемь. Пересчитал количество «ноликов» после символа «Н». Три...

«Екарный бабай! — «прозрел» вдруг Андрей. — Так это ж не «нолики» — это ж буквы «О»!»

Человеку непосвященному, далекому от компьютерной техники вообще и от программирования в частности, реакция Андрея может показаться несколько странной: ведь цифра «ноль» и буква «О» выглядят совершенно одинаково. Но в том-то и дело, что лишь выглядят. Процессор компьютера вообще не имеет глаз, ему, грубо говоря, наплевать, как выглядят поступающие к нему символы. Он в принципе кроме двух цифр, 0 и 1, ничего не понимает. Такая уж глупая эта самая умная компьютерная деталь! А

вот количество «ноликов» и «единичек» в цифре «ноль» и в букве «О» — совершенно разное, стало быть и знаки эти для компьютера столь же различны, как соленый огурец и сладкий банан для простого обывателя.

Андрей перебил знаки в коде параметра, перекомпилировал базу и вновь запустил контроллер. Злополучный уровень как ни в чем не бывало весело сиял на экране! Обещанные сорок минут еще не прошли.

Вскоре прибежал довольный Шмаров.

— Ну, молодец! А ты говорил, не в программе дело!..

Андрей так не говорил, но поправлять начальника не стал. Кивнул:

— Да, намудрил я чуток в программе. Даже не понимаю, как это я лоханулся?

— Ладно, с кем не бывает, — снисходительно успокоил добрый от миновавшей взбучки Шмаров, — нашел ведь!

— Нашел, — согласился Андрей.

— Ну, можешь тогда быть свободен на сегодня. Иди, дорогой, отдыхай.

— Так ведь еще... — посмотрел на часы Андрей.

— Ладно, ты сегодня свое отработал. Иди!

— Ну, спасибо, я пошел тогда. До свидания. — Андрей встал и направился к вешалке.

Выйдя из автобуса, Андрей невольно поежился: холодный ноябрьский ветер бросил в лицо пригоршню снежной пыли. Домой идти не хотелось, и ноги сами привели его к дому Оленьки. Оля Сапунова работала оператором на участке автоматизации уже полгода, но последние пару месяцев ее отношения с Андреем переросли в нечто большее, чем просто служебные. Как раз Андрей стал Олиным первым наставником, целый месяц обучая смышленную девушку компьютерным премудростям.

Сначала он просто любовался ее ослепительной улыбкой и огромными, кажущимися вечно удивленными глазами. А потом как-то незаметно понял, что не может уже обходиться без этих улыбки и глаз. Вот и сегодня Андрей ничего не сказал Шмарову об Олиной промашке, взял всю вину на себя. И как ни странно, это доставило ему удовольствие.

Оказавшись у Олиного подъезда, Андрей наконец опомнился. Помялся с ноги на ногу, посмотрел на часы. Без четверти четыре. Оленька могла еще спать после ночной смены. Да и вообще, он был у нее дома всего два раза, и то — один раз вместе со всеми, когда отмечали Олино поступление в институт, на заочное отделение, а второй раз и вообще по работе: просил выйти на

смену вместо заболевшей коллеги.

Андрей смел перчаткой снег со скамейки, поднял воротник, закурил и сел. Загадал для себя так: если за то время, пока он выкурит сигарету, мимо пройдет больше женщин, чем мужчин, то он поднимется к Оленьке, ну а иначе пойдет восвояси.

Сначала из подъезда вышла толстая старуха в зеленом пальто, недобрый взглядом смерила Андрея и, переваливаясь, удалилась за угол дома. «Один — ноль!» — подумал Андрей. Проехал через двор парень в вишневой «девятке». «Это не в счет, — испугался Андрей. — Он проехал, а не прошел!»

Сигарета уже догорала, когда два первоклассника с рюкзаками-ранцами за спиной вприпрыжку пронесли мимо. Начал плавиться фильтр. Женщин не было. Уповать на то, что мальчики пробежали, а не прошли было нелепо. И тут его осенило: «Мальчики! Это же не мужчины, а мальчики! Будет кто-нибудь спорить?» Андрей обвел взглядом двор. Никто не спорил.

Оля уже проснулась, но, видимо, совсем недавно — глазки еще были припухшими от сна. Казалось, она совсем не удивилась гостю.

— Проходи, — сказала она. — Ты что, сегодня в отгуле?

— Да нет, — внезапно севшим голосом

ответил Андрей. — Шмаров отпустил пораньше.

— Чай будешь пить? Я как раз собиралась.

— Буду, спасибо.

Андрей смотрел на Оленьку, одетую в простенький халатик и домашние тапочки, без макияжа, с волосами, забранными сзади в пучок и стянутыми резинкой, и она показалась ему до того милой, близкой и родной, что у него сжалось сердце. Он называл такое состояние «щмячье-щенячьим». Ему действительно захотелось заскулить как щенку от умиления, завилать хвостиком и лизнуть Оленьку в щеку. Причем последнего хотелось больше всего.

Взяв чашку, Андрей заметил, что руки его предательски дрожат. Это смутило его еще больше. Чтобы как-то начать разговор, он неожиданно ляпнул:

— А я сегодня базу после тебя перебивал. Ты там ошиблась в одном коде...

— Как ошиблась? — покраснела Оля.

— Да вместо нулей «О» набила.

— Извини, Андрей, я не нарочно. Ты из-за этого и пришел? — Оленька посмотрела на него в упор. Щеки ее стали совсем пунцовыми, ресницы дрожали, казалось, еще чуть-чуть — и она заплачет.

— Да. То есть нет! Конечно же нет! — он еще больше растерялся и проклинал себя за неуклюжесть.

— Тогда зачем? — вдруг очень тихо, но серьезно спросила Оля.

— Потому что я люблю тебя, — так же тихо и серьезно ответил вдруг Андрей. В душе его что-то оборвалось от этого неожиданного признания, а в голове пронеслось: «Ну вот и все...» Он даже перестал от волнения видеть, что происходит вокруг, и встал со стула, чтобы уйти. Но зрение быстро вернулось к нему, и Андрей увидел рядом с собой огромные Олины глаза и почувствовал прикосновение к своим губам нежных Олиных губ.

Глава 2

Брюханков сидел на заднем сидении «Вольво» и смотрел в окно. Что-то в последнее время не складывалось, предчувствие было нехорошим. Зашебуршились конкуренты, нехорошие слухи откуда-то поползли... Да и внутри организации, чудится, тоже не все ладно.

Чутью своему Иван Владимирович привык доверять. Оно часто выручало его в годы лихой молодости, да и на зоне не раз спасало жизнь. Про зону Брюханков не любил вспоминать, сейчас эта строка биографии больше всего путала карты. Правда, известно о ней было немногим, но те немногие забывать об этом не собирались.

Тогда его знали больше под именем

Шкворень, а сейчас подчиненные за глаза называли аббревиатурой БИВ. Это «погоняло» нравилось Брюханкову куда больше того, старого. Было в нем что-то напористо-злое, напоминающее звук выстрела и силу удара.

Внешне БИВ выглядел весьма респектабельно. Он развалился на сидении, закинув левую руку с массивным «Ролексом» за спинку и постукивая холеными тонкими пальцами с неброским внешне колечком по прохладной коже. Дорогое пальто было небрежно расстегнуто и под ним, несмотря на брюханковские пятьдесят с хвостиком лет, ничего не выпирало и не свешивалось. Иван Владимирович следил за собой.

Созданная Брюханковым десять лет назад организация носила громкое название «Звезда России». Сколоченная в основе своей из бандитских группировок области, она поначалу раздражала и не без причин пугала общественность. В народе стало популярным ее «сокращенное» название — «Звери».

Однако надо отдать должное Брюханкову: он сделал все, чтобы из пугала стать для простых людей символом защиты и справедливости. В этом был его главный расчет в далеко идущих планах на будущее.

Первым делом БИВ начал с дисциплины и

внешнего вида членов организации. Темно-синяя форма «зверей» со стилизованной звездой на рукаве делала их в лице обывателей уже не бандитами, а носителями строгости и порядка. Отношения в организации стали практически военными. Все было направлено на беспрекословное подчинение уставу. За малейшие нарушения дисциплины следовали самые жестокие наказания.

Дела «Звезды» пошли в гору, когда во главу военизированного отряда Брюханков поставил бывшего майора МВД Старицкого. После увольнения из рядов милиции, тридцатилетний майор долго не мог найти себя в мирной жизни. Его, занявшегося от безысходности с группой бывших десантников мелким рэкетом, вовремя заметил Брюханков и привлек на «службу». Это было явной удачей. Очень скоро Александр Старицкий стал правой рукой БИВа.

Чтобы полностью склонить на свою сторону мнение простых обывателей, отряд на конкретных действиях понес торжество справедливости в массы. Кроме того, то, что в городах области заметно пошло на убыль мелкое хулиганство, с радостью отмечали даже официальные милицейские круги.

Но были случаи и посерьезней. «Звери» несколько раз ловили настоящих убийц и насильников, дела на которых давно висели в ГОВД

«глухарями».

Парней в темно-синих рубашках стали уже не бояться, а уважать. По городу восхищенной волной покатались два слова: «Звезда России». Рейтинг «зверей» никогда еще не поднимался на такую высоту. И БИВ не терял времени даром.

Под контролем Брюханкова издавна находилось несколько торговых точек областного центра, затем под его крыло попал городской рынок. Но этого было мало. БИВ мечтал о власти, настоящей всемогущей власти, причем властвовать он хотел открыто, легально. Короче говоря, Иван Владимирович занялся политикой. И «Звезда России» стала его путеводной звездой.

Теперь уже под ее эгидой открывались магазины, салоны, сервисные и прочие центры. Брюханков стал видным в обществе человеком. Он возглавил Совет директоров коммерческого банка «НИКМОБАНК», Председателем Правления которого был Николай Мокин, во многом обязанный БИВу. По сути, Брюханков считал этот банк своим, что, в общем-то, соответствовало действительности.

Дальше — больше: Брюханков стал учредителем Фонда воинов-инвалидов, детей-сирот, спонсором для одних, благотворителем для других, официальной

«крышей» для третьих. Наконец он стал членом Городского Собрания. Очередной победой стало то, что «Звезда России» засияла в Областной Думе.

Но Брюханкову было этого мало. Через десять месяцев, в сентябре, предстояли выборы губернатора области. Победить на них — вот что стало очередной целью Брюханкова. Ну а дальше... Но БИВ не любил строить воздушные замки и витать в облаках. Он всегда намечал конкретную, реальную цель и делал все для ее достижения. И лишь достигнув очередной ступени, он начинал планировать и рассчитывать следующий шаг. Именно так, методично и размеренно поднимался он кверху, и каждая новая ступень этой лестницы была выше предыдущей.

И вот, возводя теперь столь внушительную и значимую ступень, Брюханков, видимо, несколько увлекся — уж очень много внимания и сил она отнимала. «Зверями» лично он давно уже не занимался, полностью положившись в этом вопросе на Старицкого. Но, видно, напрасно, думал теперь БИВ. Что-то там стало неладно. Внешне все выглядело как и раньше, но будто какой стержень вынули. Стали ребятки больше на себя чем на идею работать, и это бы еще ладно — о себе тоже надо заботиться, но уж больно много в последнее время поползло нехороших слухов о «звях», много

жалоб стало поступать от серьезных людей... То поборами кто-то грешить начал, то вымогательством, а было пару случаев и откровенного разбоя, где явно чувствовался «звериный» душок. Нехорошо это, очень плохо. Недоверие у людей вновь стало к «Звезде России» просыпаться. А конкурентам это — ох, как на руку! Надо как-то исправлять ситуацию, ставить на место Старицкого, а коль не поможет, то и менять.

А тут еще, в самый канун предвыборной кампании, кто-то стал ворошить старые дела, кто-то вспомнил, что кличка Шкворень губернатору не к лицу. Хоть и «своей» была пресса, но и тут нашлись иуды: просочилась на страницы некоторых изданий информация о темном прошлом Ивана Владимировича. Хоть и заплатились за это многие, да поздно, пятно быстро стало расплываться. Рейтинг Брюханкова стремительно падал. Нужно было срочно что-то делать, причем что-то настолько большое, чтобы прихлопнуть им, как муху, все возникшие проблемы вместе с теми, кто их создал и продолжал создавать.

Вот об этом и размышлял сейчас Брюханков, глядя в окно «Вольво». Ничего глобального на ум не приходило. Поэтому он решил съездить и посмотреть на одну из «замороженных» строек, которую ему предлагали уступить почти задаром.

Правда, как уже доложили БИВу, «построен» был всего лишь фундамент, но посмотреть все-таки стоило. Затеяв какое-нибудь социально важное строительство, скажем, детский дом-интернат или дом престарелых, можно было хоть как-то склонить на свою сторону общественное мнение. В той игре, что затеял Брюханков, любой козырь был на счету.

До стройки оставалось еще метров сто, когда дорога окончательно перешла в хаотичное переплетение глыб смерзшейся глины, камней и обломков бетонных плит. Ивану Владимировичу пришлось вылезать из теплого салона и идти к фундаменту пешком. Он все хотел увидеть собственными глазами. Телохранитель Миша шел в двух метрах сзади.

Подойдя вплотную к фундаменту, БИВ отметил, что его осведомители были правы — строительство здесь практически не начиналось. С другой стороны, запрошенная цена тоже была смешной, так что стоит еще раз все хорошенько просчитать и обдумать, решил Иван Владимирович.

Он уже повернулся, чтобы идти назад, к машине, как вдруг подозрительный писк, доносившийся со стороны стройки, привлек его внимание. Почти не слышимый вначале, едва проклюнувшийся из-за границ ультразвука, он постепенно набирал силу и снижал частоту. Теперь он напоминал гудение басовой гитарной струны. И

тут Брюханков увидел саму «струну». Из бледной и еле видимой она превратилась почти в материальную тонкую стальную проволоку, до которой, казалось, можно было дотронуться рукой. «Проволока» тянулась от группы строений, находящихся почти на самой окраине города, и пропадала в лабиринте фундамента. Через пару секунд «струна» погасла.

— Миша! Быстро туда! — показал рукой на фундамент БИВ.

Миша несколькими тренированными движениями, ловко прыгая по бетонным конструкциям, добрался до места, куда только что бил загадочный луч. Оттуда, где остановился телохранитель, донесся залиvistый собачий лай.

— Ну, что там? — крикнул Брюханков.

— Чертовщина какая-то, Иван Владимирович, — откликнулся Миша. — Собака появилась!

— Откуда появилась?

— В том-то и дело, что вроде как ниоткуда... Правда, тут ящик какой-то.

— Что за ящик? Ты можешь выразаться яснее? — начал терять терпение БИВ.

— Какая-то черная коробка, с огоньками и тумблерами, — ответил Миша. — Похоже на какой-то прибор. Но он меньше этой шавки, да и закрытый весь, не могла она из него вылезти.

Снова послышался лай собаки, словно она догадалась, что речь идет о ней.

— Так, может, она там и была, собака-то, когда ты туда подошел? — снова крикнул Брюханков. — Слушай, иди сюда, надоело орать.

— Не было там никого, Иван Владимирович, — запрыгав назад, отозвался Миша. Оказавшись рядом с БИВом, он продолжил: — Я ведь профессионал все же, замечаю многое, не увидеть собаку я бы не смог.

При этих словах телохранителя из ямы фундамента выпрыгнула крупная лохматая дворняга и завилыла хвостом. Посмотрев на нее, Брюханков понял, что Миша действительно не мог ее не заметить. К тому же профессионализму своего телохранителя Иван Владимирович тоже доверял, иначе не держал бы его рядом с собой. Значит... Словно яркая молния полыхнула в голове Брюханкова. От вспыхнувшего предчувствия он даже зажмурился. «Вот он — подарок судьбы, ключ к победе!» — лихорадочно забила сумасшедшая мысль. Еще не зная почему, но БИВ был в этом уверен. Он всегда доверял своему предчувствию.

— Так, Михаил, — категорично произнес Брюханков. — Останешься здесь и будешь ждать того, кто придет за прибором. Он придет обязательно. И как только придет, приведешь его ко мне. В любое время дня или ночи! При чем сделай

это максимально культурно и вежливо. Никакой грубой силы!

— А если он не захочет пойти... ну, если вежливо? — засомневался Миша.

— Должен захотеть, — отрезал БИВ. — Я не знаю как, но ты должен его ко мне привести! Без него можешь не приходить вообще. Да, и обязательно пусть возьмет прибор. Проследи за этим. Все понял?

— Так точно, Иван Владимирович!

Глава 3

Юрий Петрович Коротков работал в Институте физических исследований уже двадцать пять лет. Попав туда впервые после окончания университета, он почувствовал себя на вершине счастья. Юрий Петрович со школьной скамьи был влюблен в науку, и, надо отметить, она отвечала ему взаимностью. Коротков, еще будучи студентом, показывал блестящие задатки будущего ученого.

Молекулярная оптика стала любимым коньком Юрия Петровича. Его дипломная работа вполне тянула на кандидатскую. Тема ее звучала для непосвященного уха натуральной галиматьей: «Поведение электронно-возбужденных многоатомных молекул». Сам же Коротков свою работу галиматьей не считал. Напротив, с головой

уйдя в тему, он понял вдруг, что стоит на пороге открытия! По предварительным расчетам получалось — хотя в это трудно было даже поверить, — что световой квант «помнит» информацию, несет в себе некое «мемополе», энергии которого должно было хватить на то, чтобы превратить любое вещество — в любое! По существу, это был «философский камень» средневековых алхимиков; только здесь, чтобы превратить ртуть в золото, нужно было сначала это золото иметь, причем в результате оригинал разрушался. Зато полученное золото оказывалось в другой точке пространства — там, где раньше была ртуть!

Юрий Петрович настолько увлекся этой идеей, что забыл обо всем, не касающемся данной темы. Он забывал порой не только о еде и сне, но даже о том, что ему надо не совершать открытие, а писать всего лишь дипломную работу, причем к определенному сроку.

Университетская профессура идею высмеяла. Никто даже не соизволил вникнуть в расчеты. «Такого быть не может, потому что такого не может быть никогда!» — было главным доводом коротковских оппонентов.

Юрий Петрович сдался. Работу он переделал, даже сказав при этом новое слово в данной области физики. Но от исходной идеи там не осталось

ничего.

Получив красный диплом и свободное распределение, Коротков вернулся на родину и устроился в Институт физических исследований, куда его взяли с распростертыми объятиями.

Он начал трудиться в лаборатории оптоэлектроники, что его несказанно обрадовало. Работая, Юрий Петрович написал кандидатскую, которую отлично защитил. Женился, родились дети.

Так летели год за годом: чуть меньше — в любимой семье, чуть больше — в любимой работе. Но все эти годы Короткова не оставляло заветное желание заняться проблемой, что так увлекла его в юности. Наконец с началом перестройки, его мечта сбылась: на очередном ученом совете Короткову удалось зажечь своей идеей руководство Института и показать теоретическими выкладками возможность ее осуществления. К тому времени Юрий Петрович считался в учреждении одним из лучшим, на его счету было десятка полтора открытий.

Но страна вдруг изменилась... Она повернула к рынку, и с Коротковым ей стало не по пути. Поток средств на не приносящий видимой прибыли проект очень быстро иссяк. Тему закрыли.

Затем стали закрываться и другие темы.

Интерес государства к науке падал. Из Института стали уходить люди, он оказался на грани закрытия. Спасло его то, что основной российский космодром оказался вдруг за границей, и интерес космической отрасли, а также военных, к северному космодрому заметно усилился. Хоть сама космонавтика переживала также не лучшие времена, но корабли и спутники в космос все же летали. Их надо было где-то делать, причем, по логике, лучше всего — поближе к месту запуска. И Институт физических исследований пришелся очень кстати. Заказами худо-бедно он стал обеспечен. Самое хорошее, что за них сравнительно исправно платили. Институт зажил новой, практически полностью ракетно-космической жизнью.

В середине девяностых даже начали разрабатывать проект запуска к Марсу космической станции. Известно, что запуски с северных, высоких широт, значительно сложнее и, соответственно, дороже, чем с более близких к экватору. Одно дело запустить сравнительно легкую ракету с околосемным спутником, и совсем другое — огромную махину к Марсу. Но, видимо, надо было что-то кому-то доказать, и проект был все же утвержден. Новый, долгий, дорогой и интересный заказ стал самым настоящим подарком для Института физических исследований.

Юрий Петрович вновь возглавил группу. Но

теперь ее задачи были конкретными и сугубо практическими — модуль оборудования спускаемого аппарата, предназначенного для спектроскопии марсианской атмосферы и грунта. Если бы не это определение — «марсианской», ничего нового в данной проблеме не было. И сама методика, и необходимые для этой цели приборы давно существовали, были не раз испытаны в действии, правда, в земных условиях. Единственное, что требовалось — максимально уменьшить их вес и размеры.

Как человек ответственный, Юрий Петрович не менее ответственно отнесся к порученному делу. Но настоящего интереса к нему не испытывал. В его душе по-прежнему надрывно стонала и ныла «Струна», как называл он в мечтах любимое детище. В конце концов видя, что набранная им группа ученых и инженеров прекрасно справляется со спектроскопическим модулем, Коротков все больше времени стал посвящать старой теме. Тем более что «марсианский» проект постепенно стал притормаживаться.

Сначала урезали ассигнования. Соответственно, сократилась значительная часть самого проекта. Затем, после аварии в ноябре 1996-го года «Марса-8», все чаще стали поговаривать о полном замораживании всего проекта. Однако худо-бедно, но работы

продолжались. Спускаемый аппарат был практически готов, а коротковский модуль — и подавно.

Наконец после августовского кризиса 1998-го, о Марсе забыли. Спускаемый аппарат зачехлили, правда — так и оставили в лаборатории сборки. Впрочем, он не особенно и мешал — собирать больше было нечего.

Вновь из Института стали уходить люди. Он снова оказался на грани закрытия. Рабочую неделю сократили сначала до четырех, затем — до двух дней. Зато для Юрия Петровича началось раздолье! Теперь он уже открыто, не таясь, занимался любимым делом. Всем уже на это было глубоко наплевать. Правда, «струнная» тема не финансировалась, поэтому изыскания Короткова по большей части были теоретическими. Единственное, что он расходовал институтского, была электроэнергия. Даже при редких опытах установка пожирала ее с завидным аппетитом. Руководство стало искоса поглядывать на Короткова. Но пока молчало.

А Юрий Петрович уже добился многого. Правда, он так и не смог «заставить» луч отдавать информацию в нужном месте автономно. Для этого пришлось создать дополнительное устройство — своеобразный приемник. Помещенный в нужное место, тот должен был поймать информационный

луч и «заставить» его переписать информацию на соседние молекулы. Наконец опытная пара «излучатель — приемник» была готова к решающему эксперименту.

Первый опыт по дальнему перемещению Юрий Петрович провел на обыкновенном кирпиче. В полутора километрах от Института была заброшенная стройка — точнее, один фундамент так и не возведенного здания. Он был в пределах прямой видимости, что для прямолинейного информационного луча являлось строго необходимым.

Отнеся приемник в фанерном посылочном ящике на стройку, Коротков установил его в лабиринте фундамента, подальше от случайных любопытных глаз, но так, чтобы со стороны Института он ничем не был закрыт. Через двадцать минут Юрий Петрович уже снова был в лаборатории. Открыв окно и наведя с помощью подзорной трубы излучатель на цель, он поместил в специальную «камеру возбуждения» кирпич, перекрестился и щелкнул тумблером.

Раздалось низкое гудение излучателя, замигали разноцветные огоньки на контрольной панели устройства, и наконец из длинного конуса оптической системы вырвался едва видимый тонкий луч, мгновенно связав установку с мертвой

стройкой. Секунду или две висела в воздухе эта волшебная «струна», быстро приобретя цвет стали и изменив свое звучание от еле слышного писка вначале до насыщенного, низкого гула. Наконец звучание оборвалось, и «струна» погасла.

Коротков не помнил, как он вновь оказался на стройке. Очнулся он уже стоящим рядом с приемником, с кирпичом в руке. Это была победа!

Теперь действие установки было необходимо проверить на живом объекте. Юрий Петрович очень любил собак, поэтому в качестве подопытного животного решил использовать кошку.

Уже начинало смеркаться, когда Коротков закончил приготовления ко второму в этот знаменательный день эксперименту. Удача сопутствовала ему, и кошка отыскалась быстро — у мусорных баков соседнего с Институтом двора. Она была облезлой, худой и грязной, явно не домашней любимицей, так что Юрия Петровича не мучили угрызения совести, что он причинит кому-то боль и страдания, если опыт не удастся. Кроме самой кошки, разумеется. Но про неудачу и думать не хотелось.

Процедура эксперимента в точности повторила предыдущую: наводка на цель, щелчок тумблера, низкое гудение излучателя, басовое пение стального луча и оборвавшая все мертвая тишина. На этот раз Юрий Петрович вел себя

спокойней. У него хватило благоразумия надеть пальто и относительно не спеша отправиться к стройке. Но в самом конце пути выдержка все же изменила ему, и последние метров сто он пробежал, задыхаясь на холодном, не по-ноябрьски холодном ветру.

Подбежав наконец к приемнику, Коротков застыл в ужасе. Он явственно ощутил, как волосы зашевелились под шапкой. На окровавленном снегу лежало нечто. Несчастливая кошка, а это была все-таки она, была частично вывернута наизнанку.

Короткова вырвало. Он опустился на бетонную плиту и закрыл лицо ладонями, не в силах еще раз посмотреть на омерзительные кошачьи останки. Так он просидел минут десять, пока дурнота не отступила. Затем поднялся с плиты и, стараясь не глядеть на кровавые ошметки, запихнул забрызганный кровью приемник в посылочный ящик. Взяв его, Коротков медленно побрел со стройки. «Хорошо, что это была не собака», — устало подумал он.

До собаки очередь дошла только через три недели. Успокоившись, Юрий Петрович довольно быстро выяснил причину неудачи с кошкой: наводка луча, производимая вручную, с помощью подзорной трубы, была весьма неточной, ужасно грубой. Луч не попал в центр улавливающего

раструба приемника, и информация оказалась несфокусированной, искаженной. Удивительно еще, что оба раза луч вообще попал в раструб! В случае с кирпичом эта неточность не сказалась на конечном результате, так как кирпич практически однороден по своей структуре, чего нельзя сказать о кошке.

Коротков понял, что «струну» надо к чему-то «привязывать». Проще всего оказалось это сделать с помощью радиоволн. В приемник был добавлен своеобразный радиомаяк, сигналы которого принимались радиоприемником излучающей установки, и, с помощью специальной автоматики, управляющей сервоприводом, последняя исключительно точно наводилась в самый центр улавливающего раструба.

Теперь Юрий Петрович был настолько уверен в успехе, что уже принципиально решил использовать в эксперименте именно собаку. Купив двести грамм «Докторской» колбасы, он отправился на поиски. Минут через пятнадцать крупная лохматая дворняжка жевала угощение, благодарно поглядывая грустными эйнштейновскими глазами на Короткова. После этого она позволила вести себя куда угодно.

Юрий Петрович с большим трудом поместил собаку в «камеру возбуждения» — псина оказалась слишком крупной, — к тому же лезть в непонятный

металлический ящик, да еще пахнувший кошкой, она явно не хотела. Наконец жалобно скулящее от неудобства и страха животное было закрыто в камере.

— Прости, песик, — сказал Коротков и повернул тумблер.

Подходя к стройке, Юрий Петрович еще издали увидел свою испытательницу. Собака, живая и невредимая, весело помахивая хвостом, крутилась возле плечистого, высокого парня в кожаной куртке. Парень выжидательно глядел на Короткова. Возле его ног стояла черная коробка приемника. Это Юрию Петровичу не понравилось.

— Молодой человек, — подойдя к незнакомцу, произнес Коротков. — Это мой прибор. Зачем вы его взяли?

— Где это на нем написано, что он ваш? — усмехнулся парень. Затем уже серьезно добавил: — Не переживайте, я не претендую на чужие вещи. Меня интересуют вы.

— Я? — удивился Юрий Петрович. — Но я вас даже не знаю! Чем я мог вас интересовать?

— Я вас тоже пока не знаю, — ответил незнакомец, вынимая руки из карманов куртки. — И заинтересовали вы не меня, а моего шефа. Кстати, меня зовут Миша.

Парень протянул широкую, как доска, ладонь.